

Признаки нестабильности категории императива в языке северных селькупов на протяжении XX века¹

А.И. Кузнецова

Стремительное забвение селькупского языка его носителями часто квалифицируется как разрушение и даже как вымирание языка. При этом в самом языке происходят существенные изменения, причины которых могут быть разными, как внешними (экстралингвистическими), так и внутренними. В первом случае речь должна идти об исторических изменениях в селькупском языке, происходящих под влиянием русского языка; во втором случае – о внутренних языковых изменениях, не связанных непосредственно с воздействием другого языка, а наблюдающихся в самой системе, например, в силу аналогического выравнивания или в результате вытеснения полных форм редуцированными, типичными для аллегорической устной речи. В обоих случаях необходимо выяснить, все ли грамматические категории претерпевают изменения или часть категорий сохраняет свою стабильность; затрагивают ли происходящие в языке процессы все части речи или остаются такие части речи, в которых изменения не зафиксированы; наблюдаются ли языковые сдвиги во всех диалектах и в какой мере. Ответ на эти вопросы требует рассмотрения всех грамматических категорий в историческом плане. В данной работе анализируются изменения только в категории повелительного наклонения на протяжении XX в.

Первые значительные по объему сведения об императиве могут быть почерпнуты из материалов столетней давности, а именно – из недавно изданной Е.А. Хелимским и У. Карс [Helimski, Kars 2001] рукописи туруханского мещанина Ф.Г. Мальцова, датированной 1903 г. Эти материалы представляют собой словарь смешанного типа: часть слов сгруппирована в нем по принципу тезауруса; ряд словарных статей включает в свой состав целые выражения (в том числе и устойчивые сочетания); много слов (особенно в конце) дается в произвольном порядке, без соблюдения как алфавитного, так и тематического принципа, и далеко не всегда в исходной форме. В общей

¹ Грант РГНФ 01-04-16225а

сложности словарь содержит 1525 единиц (за вычетом 168 повторяющихся). В пределах этого словаря встречается около 170 форм повелительного наклонения, которые и были положены в основу сравнения данной категории с категорией императива в других источниках XX века.

50 лет назад, в 1940-е гг., Л.А. Варковицкая собирала полевые материалы в том же туруханском районе, где жил и Ф.Г. Мальцов. Она описала императив в баишенском говоре тазовского диалекта селькупского языка. При этом исследовательница настойчиво подчеркивала наличие существенных расхождений между анализируемым ею говором и собственно тазовским диалектом, описанным в 1920-е гг. Г.Н. Прокофьевым, и доказывала, что баишенский говор отличается от среднетазовского большей простотой морфологического выражения (это проявляется, по мнению Л.А. Варковицкой, в факultatивности некоторых грамматических форм в баишенском говоре, каковыми носители пренебрегают [Варковицкая 1947: 14]). Одновременно она указывала на существование расхождений в грамматических явлениях селькупского языка в двух говорах только в том случае, если основываться исключительно на положениях грамматики Г.Н. Прокофьева (от них в ряде случаев автор позднее отказывался сам). Если же обратиться непосредственно к текстам, разница между баишенским говором и тазовским диалектом не представлялась ей слишком значительной [Варковицкая 1947: 18]. Учитывая приведенные замечания, можно провести двойное сравнение системы императива, во-первых, в среднетазовском говоре тазовского диалекта 1920-х гг. (материалы Г.Н. Прокофьева) и 1970-х гг. (материалы экспедиций МГУ [Кузнецова 1980 и 1993]) и, во-вторых, сравнение форм того же наклонения в баишенском говоре тазовского диалекта 1940-х гг. (материалы Л.А. Варковицкой) и 1990-х гг. (мои материалы, собранные в ходе экспедиций 1998–1999 гг., осуществленных благодаря финансовой поддержке фонда «Открытое Общество» (Грант № 1567/801/1998). Основное внимание будет уделено анализу происшедших за 100 лет изменений в области повелительного наклонения в баишенском говоре туруханского диалекта.

За 50-летний период, отделяющий записи Г.Н. Прокофьева 1920-х гг. от записей 1970-х гг., изменения в употреблении императива были незначительны (ср. [Prokofjev 1931: 445–446, Кузнецова и др. 1980:

248]) и сказывались на наличии вариантов. По поводу многочисленных вариантов у северных носителей селькупского языка Л.А. Варковицкая писала: «Селькупский язык весь в движении, изменении, переходах. Это движение, изменение грамматических форм выявляется и при записях у представителей близко стоящих друг к другу языковых группировок (при переезде из станка в станок); эти изменения, колебания, зыбкость грамматических форм отмечаются и при записях у одних и тех же лиц, в одних и тех же текстах» [Варковицкая 1947: 16]. Упоминаемые Л.А. Варковицкой колебания форм носят не релевантный характер. Зато она отметила, что существенные различия (а не незначительные отклонения) наблюдаются в записях Г.Н. Прокофьева по сравнению с материалами М.А. Кастрена [Варковицкая 1947: 17].

Сравнение материалов баишенского говора 1940-х и 1990-х гг. демонстрирует в первую очередь происшедший за последние 50 лет языковой сдвиг. Изменения во второй половине XX в. диктуются в основном экстралингвистическими причинами, которые, естественно, отражаются и на внутренних системных изменениях в употреблении императива. После 1950-х гг. непрерывно усиливалась русификация селькупского языка. К концу второго тысячелетия она проявилась в добровольном отказе селькупов (особенно молодых) от родного языка, в нежелании самих носителей пользоваться им. Что касается средне-старшего поколения, то оно, сузив круг общения на родном языке до минимума (обычно в пределах семьи, да и то среди стариков), стало пользоваться упрощенными, чаще редуцированными формами. Появление такой тенденции уже заметила Л.А. Варковицкая, и еще раньше в неявном виде ее фиксировал Ф.Г. Мальцов (о чем речь впереди). Эти изменения идут по разным направлениям и прежде всего – по линии усечения окончаний, что представляет собой характерную примету спонтанной селькупской речи при построении связного текста [Кузнецова 2001: 139]. Порою происходит выравнивание и унификация основ, использующих один и тот же суффикс вместо когда-то разных, и контаминация значений императива.

Редукция суффиксов типична для императива. Уже в словаре Ф.Г. Мальцова показатель повелительного наклонения транзитивных глаголов 2Sg -*tu* сплошь и рядом встречается в форме -*t*, о чем свидетельствует транслитерация этих глаголов в словаре. Дело в

том, что Ф.Г. Мальцов, следуя нормам русской орфографии начала XX в., после согласного на конце селькупских слов, записанных у него русскими буквами, обычно тоже ставил букву *er* (ъ), например: аксаль 'гриб', канакъ 'собака' и др. Точно так же формы императива часто кончаются на *er*: абьстальдэть (2Sg) 'спайя!'; маньбеть / маньббатъ 'смотри!' (2Sg) наряду с полными формами на -*tu*: илы-конты (2Sg) 'ложись-спи!' и др. В свое время Г.Н. Прокофьев писал о смысловом сближении будущего времени нарратива (повествовательно-предположительное наклонение) с оптативом, имеющим суффикс -*l(ä)* и модальное значение, формы которого (наряду с другими значениями) могут использоваться для выражения пожелания на будущее. Одновременно Г.Н. Прокофьев допускал трактовку форм оптатива (желательного наклонения) как побудительного наклонения (*adhortativum*) и как будущего времени императива (*imperativus futuri*) [Prokofjev 1931: 444, Прокофьев 1935: 68–69]. Если принять последнее допущение, то в словаре Ф.Г. Мальцова сильно возрастет количество слов в повелительном наклонении, прежде всего – за счет включения в парадигму форм 1-го лица всех трех чисел, а не только 2–3-го лиц. При этом оказываются возможными усечения в окончании -*tu* не только гласного *u*, что маркировано в словаре буквой *er*, но и согласного: коса-сандырлимь (1PI) 'будем играть!' вместо коса-сандырлимьт и т.п. Таким образом, в речи северных селькупов вариативность форм императива была типичным явлением уже 100 лет назад.

Сохранилась она и в 1940-е гг., что засвидетельствовано в текстах Л.А. Варковицкой и в материалах конца XX в. Увеличение вариативности окончаний, их редукция, встречавшиеся и в записях Ф.Г. Мальцова, постепенно привели в 1990-е гг. к беспорядочному употреблению окончаний глаголов в императиве, что особенно часто встречается во 2Sg. Обычными показателями субъектного спряжения являются -*äšyuk* и его варианты, возникающие в результате право- или левостороннего усечения: -*äš* / -*uk* (о связи данных вариантов с типами основ см. [Кузнецова и др. 1980: 248]). В объектном спряжении используется в основном показатель -*ätu* и его варианты -*ät* / -*u* / -*y*, также зависящие от типов основ. Несмотря на достаточно четкие правила выбора аффиксов императива (в зависимости от отнесения глагола к субъектному или объектному спряжению и к тому или иному типу основ), в конце XX в. увеличивается параллелизм в

употреблении разных окончаний 2Sg в императиве одного и того же глагола: -äšyk /-äty, -äš/-ät, -ty /-ät и т.п. Так, в с. Фарково Туруханского района Красноярского края (1998–1999 гг.) даже от одного и того же информанта можно услышать *miŋäš* и *mitty / mittä* 'дай!', *tattäš*(yk) и *tattät* 'принеси!', *cüty* и *cüäš* (без ожидаемой эпентезы ŋ) 'стреляй!', *tüŋäšyk* и *tüäš* 'приди!', *tomty* и *tomtäš* 'говори!', *mety* и *metät* 'сделай!' и др. Едва ли не единственное слово в повелительном наклонении, не имеющее вариантов во 2Sg, – слово *raktygäš* 'попрыгай!', хорошо известное по детской песенке о зайчике: *hómälä, raktygäš, raktygäš!* Нередко встречаются гибридные образования императива от русских корней, уже стоящих в повелительном наклонении, к форме которого прибавляется селькупский аффикс императива, как в примере *Quraltäš uzañjty casar žmynty nžny* 'Пойди узнай время у матери'. Постепенно происходит аналогичное выравнивание основ, проявляющееся в дублировании окончаний, относящихся к разным спряжениям и разным типам основ. Объектный тип спряжения начинает использоваться, судя по отдельным примерам, при спряжении и непереходных глаголов, которые могут ситуативно (не без влияния русского языка) становиться переходными.

Изменения в способах выражения императива сопутствует увеличение объема его значений. Среди различных значений повелительного наклонения прежде всего выделяются приказ и просьба. Однако неслучайно Г.Н. Прокофьев писал о сближении императива с категориями, выражающими предположение (нарратив), побуждение (адхортатив), пожелание (оптатив). Круг значений императива заметно расширился, включив в свой состав также совет, пожелание, предположение, побуждение и (возможно) в качестве особого значения вежливое побуждение. В свое время Г.Н. Прокофьев обратил внимание на то, что при императиве Асс. существительного заменяется на Nom., который начинает выполнять функцию прямого дополнения [Прокофьев 1935: 85–86]. Однако, судя по материалам Л.А. Варковицкой, отмеченная закономерность не является таковой. Более того, непонятно, всегда ли происходит замена Асс. на Nom. при глаголе в императиве или только при переходных глаголах. Здесь также нет регулярности, поскольку непереходные глаголы при введении объекта, воспринимаемого при изменении фокуса определенным, могут начать спрягаться по переходному типу спряжения. В результате возникают сбои в языке. Последнее, о чем следует упо-

мянуть, это использование различных форм императива и падежей при нем в связи с наличием вежливой или приказной формы обращения. При первой предпочтительнее форма на -äšyk, а при второй – на -äty, хотя и в этом нет строгой последовательности, что особенно заметно по материалам 1990-х гг.

В заключение можно лишь снова вспомнить цитированные слова Л.А. Варковицкой о том, что «селькупский язык весь в движении, изменении, переходах». Чем кончится процесс изменения значений, функций императива и способов его выражения, пока сказать затруднительно, но очевидно, что все идет в сторону упрощения, появления унифицированных форм и исчезновения избыточных.

Литература

1. Варковицкая Л.А. Глагольное словообразование в селькупском языке (на материале баишенского говора). Диссертация (рукопись). М., 1947.
2. Кузнецова А.И. Сходства и различия в спонтанной речи монолингвов и билингвов: факторы, влияющие на построение связного текста в устной речи (на примере типологически разных языков – русского и селькупского) // Диалог 2001. Труды семинара Диалог 2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Теоретические проблемы. Аксаково, 2001.
3. Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. 1. М., 1980.
4. Кузнецова А.И., О.А. Казакевич, Л.Ю. Иоффе, Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М., 1993.
5. Прокофьев Г.Н. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Л., 1935.
6. Helinski E., Kars U. Nordselkupisches Wörterbuch von F.G. Mal'cev (1903). Hamburg, 2001.
7. Prokofjev G.N. Materialien zur Erforschung der Ostjak-Samojedischen Sprache. Die Tasovsche Mundart // Ungarische Jahrbücher. Bd.XI. Hft. 1, 2, 3, 4. Berlin, 1931.

Особенности выражения пространственных и временных отношений в селькупском языке

Н.В. Полякова

В своей повседневной жизни человек не может обойтись без представлений о месторасположении предметов, об их размерах и границах. Эти представления находят свое отражение и в языке. Ка-